

Александр
Дунаенко

Рассказы
про
первый
раз...

Их первый
мужчина

Александр Дунаенко

**Их первый мужчина.
Рассказы про первый раз...**

«Издательские решения»

Дунаенко А.

Их первый мужчина. Рассказы про первый раз... / А. Дунаенко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749085-0

Первый раз... Ну, да, тот самый... Как это было?.. Когда?.. Каждый из нас помнит всю жизнь. И когда. И — как... Во многом наши отношения во взрослой жизни строятся от того, каков он был, наш первый опыт?.. Увы, не всегда всё получается, складывается так, как пишут в романах... И, наверное, нет на земле двух одинаковых историй. В представленной книге три рассказа Александра Дунаенко. В них интимные, глубоко личные тайны, рассказанные от имени главного героя...

ISBN 978-5-44-749085-0

© Дунаенко А.
© Издательские решения

Содержание

Их первый мужчина	6
Статуэтка	10
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Их первый мужчина Рассказы про первый раз... Александр Дунаенко

© Александр Дунаенко, 2016

© Александр Дунаенко, дизайн обложки, 2016

© Béatrice Bissara, фотографии, 2016

ISBN 978-5-4474-9085-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Их первый мужчина

Когда я несмышлён был и совсем юн, я в один день лишил невинности трёх девушек. Сказать по правде, я мало понимал тогда степень значительности, серьёзности происходившего. Всё было, как игра.

Мы жили в маленьком совхозе, близ города Актюбинска. Совхоз выращивал овощи, и было у него ещё стадо молочных коров. Летом, два раза в день, на пастбище уезжала машина с доярками.

Мы уже окончили школу и строили планы на радостное будущее. Кто-то из взрослых предложил нам увлекательное путешествие: съездить на дойку, попить парного молочка, искупаться в самой тёплой в мире речке Илек.

А нас было четверо друзей-приятелей: я, Наташка, Валька и Надька. Жили по соседству. Ровесники. Наташка, правда, на год моложе. Дрались, играли вместе, чуть не с пелёнок. Даже пробовали материться. У девчонок получалось лучше, поэтому я не употребляю, любимых московской интеллигенцией, выражений и по сей день. Так сказать, комплексую.

Дорога к пастбищу запомнилась сонной, почти мгновенной. Нас укачало на фуфайках, разбросанных в кузове грузовика для мягкости. Только одна остановка в пути: в Актюбинске, у железнодорожной пекарни. Шофёр дядя Федя принёс и передал в кузов дояркам охапку пахучих и тёплых буханок хлеба. Потом, уже там, на дойке, мы пили парное молоко вприкуску с этим хлебом, посыпанным солью.

Мы тогда, к вечеру, уже стали другими.

Я – мужчиной.

А Валька, Надька и соплячка Наташка – женщинами.

Грузовик остановился, и мы проснулись. Оттого, что перестал трясти, тархтеть автомобиль. Оттого, что сухо, пронзительно стрекотали кузнечики и пели разные птички вместе с жаворонками. Доярки поспрыгивали с кузова на землю, пошли настраивать свои дойные механизмы.

Мы спросили у дяди Феди, где речка и побежали на речку. Взрослые не боялись отпускать нас одних: в летнее время воды в нашем Илеке воробью по колено. Нет. Журавлю. Ведь мы там могли плавать, отталкиваясь от песочного дна и даже чуточку нырять.

Кто-то из нас предложил купаться голышом. Как мне кажется, одна из моих девчонок-матерщинниц. Они потом говорили, что это я, бесстыдник. Против оказалась только Надька: стеснялась рёбрышек своих, да косточек. Стянула с себя самодельные деревенские трусики и побежала в речку в длинноватом – на вырост – ситцевом платице.

У полненькой Вальки под платьем оказались вспухшие грудки. Тайком я всё взглядывал на эту диковину. Валька и позвала меня в речку играть в «лодочку». Простая, всем доступная, игра. Особенно хороша на мелководье, при небольшом течении.

Я вошёл в речку, присел, и воды мне стало по грудь. Валька, повернувшись ко мне лицом, села верхом ко мне на колени. Если теперь обоим потихоньку отталкиваться ногами от дна, и грести руками, получится «лодочка». Мы стали отталкиваться, и нас тихо, легко понесло тёплым течением. И почему бы так и не поплавать – действительно, хорошая игра. Но у меня

вдруг возникли некоторые помехи, осложнения. Дело в том, что мой юношеский отросточек, безобидный и мягкий, всё время прижимался к Вальке. И не куда-нибудь к спине, затылку или шершавой пятке, а к вязкой складочке меж распахнутых девчачьих бёдер, которая, благодаря такой замечательной игре, всё время меня касалась. Я почувствовал, что у моего уступчивого, добродушного друга, появились признаки агрессии: он стал расти и твердеть... Сейчас я бы уже знал, что делать. Тогда, конечно, тоже. Но в теории. Пацаны рассказывали.

И я застеснялся.

Я сказал Вальке, что хочу немного поплавать один, и пошёл отвлекать, остужать в воде, своё разбухшее чудо. При этом двигался почти ползком: опасался, что встану из мелкой воды, и Валька увидит мою метаморфозу.

Я даже не знаю, где в тот момент купались Наташка с Надькой. Их будто бы и не было вовсе. Наверное, были, но, как я теперь понимаю, у меня впервые поехала крыша, как у настоящего мужчины, и я ничего не видел. Я так думаю, что девственница моя, Валька, тоже что-то почувствовала. Она всё крутилась возле меня то, окуная, то, показывая из воды свежие свои грудки, и просилась ещё поиграть в «лодочку». Но только во взгляде у неё появилось что-то такое, что мой юный друг стал снова набухать и топорщиться.

И, все-таки, хотелось поддаться на уговоры, пустить к себе Вальку.

Я побегал по берегу, попрыгал. Стал нормальным человеком. Нашёл-таки Надьку и Наташку, показал им язык. Оглядев себя, не обнаружил ничего предосудительного. И – решился.

А в воде Валька села уже сразу так, что пухленькая складочка её раздалась и слегка, будто бы защемила сверху, по длине, успокоившегося уже было, моего скромника. И мы, вроде, как и плыли, но будто замер мир, и время остановилось. Покачиваясь, Валька, как щенка за шкуру, ухватывала меня своей складочкой. Так губами берут свирель или флейту.

Доигралась.

Я почувствовал, что у меня выросло целое бревно, и сделал слабую попытку снова сбежать, но Валька меня удержала. Возникший между нами предмет уже мешал продолжать нашу странную игру. Где-то там, внизу, в воде, он торчал, как кол, и Валька, не отрывая от меня глаз, двинула бёдрами так, что теперь уже упруго-жёсткий конец окоченевшего ствола вошёл к ней в складочку и даже чуть куда-то глубже. Она несколько раз, всё так же, не отрывая от меня взгляда, качнулась, присела на головку. Потом, с протяжным выдохом-стоном ещё качнулась, и опустилась до предела. Я тоже сказал то ли «А-а-а!», то ли «У-у-у!», то ли «О-о-о!» Горячо. Скользко. Сладко. Я дёрнулся и затих. Глаза у Вальки были полузакрыты и виднелись одни белки, без зрачков. Но она с меня не падала. Значит, не умерла. В таком же забытии она потянулась ко мне, обняла, прижалась.

Я не знал, что нужно ещё целоваться, хоть и видел уже, как это делают в кинофильмах.

И, вообще, что вначале нужно целоваться, а уже потом...

Тогда мы просто обнялись. Потом вышли на берег.

Но на этом всё не кончилось.

Наташка с Надькой загорали. Надька загорала в платье, задрал его так, чтобы не было видно рёбер. Ну и что, если груди маленькие – подумал я. Зато всё остальное – как у Вальки. И решил девочек развлечь. Пришли на речку купаться и скучают.

Повод был.

На лобке у меня закудрявились первые волоски. Длинные, чёрные. Из воды я вышел с Валькой какой-то другой. Смелый. Я сказал девочкам, что у меня выросли волоски, и они собрались посмотреть. Окружили меня, как школьницы наглядное пособие. Им, конечно, тоже было, чем гордиться, но, кроме жиденьких чубчиков, посмотреть было не на что.

От неожиданного внимания то, что находилось у меня под волосками, стало опять набухать, а потом и горделиво восстало, пульсируя, во всей своей красе, перпендикулярно к девочкам. Этакая, слегка всё же нагловатая, стрела Амура. И я уже не смущался. Мне даже нравилось быть таким, и то, что все три девушки так уважительно, и – то ли заворожено, то ли с суеверным страхом, – как на кобру, смотрели на мою, явно повзрослевшую, писюльку.

А Надька-тихоня, стыдливая наша, вдруг всех ошарашила. Она присела на корточки, взяла осторожно мою кобру рукой за шею, внимательно оглядела вблизи со всех сторон и... чмокнула в самую головку. Валька сказала: – Что, Надька, – дура, что ли? Разве можно такое в рот брать? (тогда, в 57-м, такое в рот не брали).

Я позвал Надьку играть в «лодочку». Надька сказала: – Я не умею. А Валька даже подтолкнула: иди, иди, чего весь день на берегу лежать.

С Надькой у меня получилось проще. Мы вошли в речку, и я с некоторым усилием разложил вокруг себя Надькины колени, усадил её к себе поудобнее. Чего бояться – мы же играем!

А потом, опытный, начал водить кончиком своего возмужавшего малыша по знакомой уже ложбинке, трещинке, морщинке, складочке с провальчиком.

Надька сначала заёрзала в мокром своём платье, а потом притихла. Я старался поймать её взгляд, я поймал её взгляд и, уставившись ей прямо в зрачки, настойчивым нажимом стал вдавливать в Надьку головку своего змея. И он вошёл весь, а Надька молчала, смотрела пронзительно, ответно на меня, и только пальчики её на моих плечах судорожно впились мне в кожу. И она тихо прошептала «ой!...».

А меня ожидало новое открытие.

Разрядка не наступила сразу, и я смог повторять жадные свои погружения в пылающее тело Надьки.

Несколько минут раскачивал я девушку в длинном мокром ситцевом платье на своей «лодочке», а потом, прижавшись к ней сильно и во что-то в ней глубоко внутри упёршись, я снова, дёргаясь, проскулил своё то ли «У», то ли «О», то ли «Ы»...

Наташка всё загорала, прикрывши веки. Я, матёрый уже мужчина, с залихватским хохлом на лобке, прилёг рядом. Что и говорить, заморил червячка. Появилось настроение и на свободную лирику расслабиться. Я уже мог спокойно, без лишних волнений, порассматривать голую возле меня Наташку. Не лезть, не приставать, не канючить. Просто – прикоснуться, погладить. Рука сама потянулась к лону. Господи, опять! Вот он, розовый каньончик! Всё время, перепрыгивая кончиками пальцев через какую-то кочку, я прошёлся по нему вниз – вверх. И – ещё раз. И – ещё. Наташка вздрогнула, потянулась. Бёдра растворились, распались, как лепестки на цветке. Я прикоснулся и к цветку. Наклонился взглянуть. Не задыхаться, не путаться в ногах девушки, не капать слюной, выпрашивая, требуя то, не знаю чего, а – просто посмотреть.

Чтобы она почувствовала это. И я опять прикоснулся. Пальчиком безымянным. Без рода и племени. Иваном-Не-Помнящим-Родства. Чуть приоткрыл лепестки и – сок, нектар заструился по округлостям книзу, в горячий песок.

Такое зрелище может поднять из могилы мёртвого. Мужчину. Я – совсем ещё юнец, мальчишка. Я снова воспламенился, вспыхнул. Я перебрался к Наташке. На. Уже не мальчиком, но – мужем я проникновенно, требовательно, восстановился в лепестках. Открой она глаза, отстранись – и не было бы ничего.

(Наташка, глупый, без мозгов, восторженный, я тебя любил тогда!

Так, как уже никогда, и никто из взрослых мужчин не мог тебя полюбить.

Но ты просто не открыла глаз...).

Змеем, рискующим остаться без чешуи, без кожи, я жёстко вполз в Наташку. Тесно. Узко. Заскрипело что-то, затрещало. Я почувствовал то, что, вероятно, ощущает верблюд, пролезающий сквозь игольное ушко. Трудно было верблуду. Наташка вскрикнула. Муж я был уже. Не мальчик. Одеревенел. Как будто собрались кому-то зуб удалять, а вместо десны вкололи, заморозили самое дорогое мне. Я уже знал, что для того, чтобы наступила ослепительная, опустошительная, облегчающая развязка, нужно добиваться этого, биться. Я добивался себе освобождения и не замечал, что девушка в крови, что вокруг сбежались, собрались подружки. Они толкали меня, пытались оттащить, но, обезумевшая, непонятная Наташка, хотя и кричала «Нет!», «Нет!», но хватала меня сзади руками и заставляла вонзаться в себя, втискиваться, без остановки. Наверное, это длилось вечность. Я отвалился от Наташки, как мясник, в крови, чуть ли не по уши. Надька и Валька смотрели на меня, как на убийцу и насильника.

Потом Наташка обмылась в речке и никаких следов от меня, злодея, не осталось.

Я даже не знаю, не уверен, остались ли воспоминания. Мы с Наташкой продолжали жить в одном совхозе, но с того дня, с того вечера, больше не виделись.

А Вальку я недавно встретил. Я хромал, ковылял потихоньку на почту за пенсией. Живот. Одышка. Непредсказуемые проявления метеоризмов. И тут – Валька. Седая. Толстая. В два с половиной обхвата. Вставные зубы. Варикоз.

Ту Вальку, с речки Илек, я пытался увидеть в её глазах, когда мы разговаривали с ней о болезнях, о внуках.

Помнит ли она «лодочку», всё хотел я у неё спросить? Но так и не решился. Смутился чего-то. Застеснялся.

Тогда, вечером, мы вернулись с речки, обгоревшие от непрерывного солнца. Усталые и довольные, как пионеры. Мы с жадностью пили парное молоко, заедали его свежайшим хлебом из железнодорожной пекарни. Валька. Надька. Наташка.

И я.

Их первый мужчина.

27—28.06.2000г.

Мещеряковка

Статуэтка

Анютка... Рыжая моя одноклассница. Росли вместе. Играли в одной песочнице. Двор – один на двоих между хрущёвскими пятиэтажками. Росли, росли и выросли...

Анютка из рыжего бесполого подростка прорисовалась в расцветающую девушку. У меня незаметно изменился, огрубел голос.

Но отношения у нас оставались прежними: друзья, просто друзья. Даже, когда мне попалась порнушная кассета, мы с Анюткой посмотрели её без всяких экстраполяций. Я переживал происходящий на экране ужас отдельно, Анютка – открыв рот – отдельно. Вместе поржали.

Ну – и вот так...

Я не видел в Анютке девчонку, с которой могли бы совмещаться мои, уже нескромные, фантазии. Анютка, вполне уже оформившись в хорошенькую девушку, вела себя со мной, как мальчишка. Друг. Ну... сестра.

Однажды нам с ней попался альбом по зарубежному искусству. Анютка посещала художественную школу и ей дали задание сделать доклад по искусству Возрождения. Мы с Анюткой пошли в библиотеку, а потом – к ней домой. Я часто к ней заходил. Мы вместе пили чай, хохотали. Хорошее было время.

Ну, вот, значит, зашли мы пить чай и посмотреть альбом по искусству.

Ничего особенного не было в том альбоме. В основном картины, статуи. На них все голые. Боги всякие. Богини.

Я смотрел, смотрел и вдруг сказал: – Анютка, а из тебя тоже получилась бы статуя. Не хуже греческой.

Анютка хихикнула: – Да, ну, скажешь тоже!..

А я стал развивать идею: – Вот, знаешь, если тебя голую пудрой или тальком обсыпать – точная Венера получится!

И в этой моей фразе вообще не было ничего такого. Потому что Анютка меня совсем не стеснялась, переодевалась при мне, как это она, вероятно, делала в обществе подружек. Росли мы вместе. Привыкли друг к другу. Меня интересовали совсем другие девчонки, о чём я рассказывал Анютке. Она мне тоже рассказывала о своих, правда, ещё совсем платонических, увлечениях.

Тут ещё такое было важное обстоятельство: родители на день рождения и в связи с предстоящим окончанием школы подарили мне цифровой фотоаппарат. Хороший аппарат. Много он мог делать без участия фотографа, поэтому очень скоро я себя почувствовал крутым фотомастером.

И тут – такой случай! Анютка – замечательная модель! Сделать из неё фото Венеры – и главный приз где-нибудь на международном фотоконкурсе обеспечен!

– Анютка-а-а! Давай фотографироваться! – и я с жаром стал рисовать перед ней перспективы нашей фотосессии. С гарантиями сохранения имени модели в глубокой тайне.

Я сказал Анютке, что её, измазанную мелом, никто никогда не узнает.

Девчонку, которая при мне свободно перенадевала колготки, уговаривать долго не пришлось.

Договорились, что на выходные, когда родители Анютки уедут на дачу с ночёвкой, я приду к ней с фотоаппаратом.

Я должен был ещё решить задачу с нашим главным реквизитом – достать тальк. Без талька всё мероприятие теряло связь с искусством Возрождения и выглядело бы, как обыкновенное фотографирование голой девчонки.

Нам, художникам, это было совсем не нужно.

В субботу я заявился к Анютке с фотоаппаратом и тальком.

Она встретила меня в коротком халатике.

Мы решили ещё раз просмотреть фото скульптур из альбома. Делать всё нужно было настоящему. Чтобы мир ахнул.

– Ну, я готова, – сказала Анютка. И ушла в соседнюю небольшую комнатку, откуда уже через минуту вышла без халата и вообще без ничего.

Я, конечно, сто раз видел, как Анютка переодевается, но так, вот такую!.. Аж что-то внутри у меня ёкнуло. И правда – Венера! Длинные рыжие волосы распущены по плечам, яркие голубые глаза с тёмным ободком вокруг зрачка... Грудь —точь-в-точь, как на картинах этих древних мастеров!.. Богиня, блин!.. Но...

– Э, – говорю, – нет! – так не пойдёт!

– Что такое, – спросила Анютка.

– Волосы... Разве у статуи ты где-нибудь видела волосы?

Анютка глянула к себе вниз: – Ой! – и правда!.. Я что-то совсем не подумала!..

И снова убежала в маленькую комнату.

Оттуда стало доноситься ноющее жужжание какой-то техники. И продолжалось оно довольно долго.

Я уже десять раз протёр объектив.

Щёлкнул для проверки фортепьяно, мраморную фигурку оленя на тумбочке.

Анютка всё не выходила.

Хотел уже зайти, посмотреть, что происходит там у неё, за стенкой, но моя Венера вышла сама. Появилась, держа в руках допотопную электрическую бритву.

В одной руке бритва, в другой – вилка со шнуром.

Смотрела на себя, туда, где проводила процедуру этой бритвой: – Кажется, всё...

Отложила прибор на столик, отошла, стала ладошкой отряхивать с лобка остатки состриженных золотистых своих волос: – Кажется, всё...

От вида своей друга-сестры-подруги я всё-таки пришёл в волнение. Не ожидал... Какая она красивая, Анютка...

Ну, ладно. Не нужно всё-таки забывать, для чего мы все тут собрались.

Я достал пакетик с тальком, стал тщательно припудривать Анютку с ног до головы. Она мне помогала. Я взял на себя спину, плечи... Ну, в общем, взялся за обработку, так сказать, «нейтральных» территорий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.